

УДК 572

DOI 10.33876/2311-0546/2022-4/352-371

Научная статья

© М. М. Герасимова, Н. В. Харламова

СТАРЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА — НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В обзорной статье рассматриваются ключевые палеоантропологические находки верхнего палеолита в контексте результатов недавних исследований: новых датировок, новой археологической атрибутики, данных генетики. Авторы выделяют три ключевых проблемы эпохи верхнего палеолита с точки зрения биологического антрополога. Во-первых, проблему таксономического ранга неандертальцев и их роли в происхождении европейского верхнепалеолитического населения. Отмечается, что идея трансформации *Homo neanderthalensis* в *Homo sapiens* перерастает в идею гибридизации сапиенсов и неандертальцев. Во-вторых, проблему происхождения носителей симбиотических «переходных» культур верхнего палеолита. Делается вывод о том, что практическое отсутствие костных человеческих останков, ассоциированных с этими культурами, лишает палеоантропологов возможности ответить на вопрос о том, как складывался облик носителей «переходных» культур. И в-третьих, рассматривается проблема физического облика населения Европы, носителей первой автохтонной верхнепалеолитической индустрии — граветт. Показано, что краниологические характеристики мужских черепов ориньякской и граветтской культур, на фоне суммарных данных об европейских верхнепалеолитических черепах демонстрируют сходство этих групп населения, но количество наблюдений, не делает это сходство убедительным. Несмотря на то, что сформулированные в виде проблем вопросы не находят однозначных ответов, сама постановка задает направления дальнейших исследований *Homo sapiens* Верхнего палеолита.

Ключевые слова: Верхний палеолит, эволюция человека, *Homo neanderthalensis*, неандертальцы, верхнепалеолитической сапиенс, *Homo sapiens*, *Homo heidelbergensis*, граветт

Ссылка при цитировании: Герасимова М. М., Харламова Н. В. Старые палеоантропологические находки эпохи верхнего палеолита — новые проблемы // Вестник антропологии, 2022. № 4. С. 352–371.

Герасимова Маргарита Михайловна — к. и. н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (119334 Москва, Ленинский пр., 32А) Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4502-3586>

Харламова Наталья Владимировна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (119334 Москва, Ленинский пр., 32А) Эл. почта: natasha_kharlamova@iea.ras.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9087-9490>

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН. Тема НИР «Эволюционный континуум рода *Homo*», подтема «Антропология древних и современных популяций».

UDC 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/352-371

Original Article

© Margarita M. Gerasimova, Natalia V. Kharlamova

COMMON UPPER PALEOLITHIC HUMAN REMAINS — NEW CHALLENGES

*The digest discusses the key Upper Paleolithic paleoanthropological finds in the context of the recent studies: new dating, new archaeological attribution, genetic data. The authors identify three key problems of the Upper Paleolithic from the point of view of a biological anthropologist. First, the problem of the taxonomic rank of the Neanderthals and their role in the origin of the European Upper Paleolithic population. It is noted that the idea of transformation of *Homo neanderthalensis* into *Homo sapiens* develops into the idea of hybridization of *sapiens* and Neanderthals. The second problem is the origin of the “bearers” of symbiotic “transitional” cultures of the Upper Paleolithic. It is concluded that the virtual absence of human remains associated with these cultures makes it impossible for paleoanthropologists to answer the question of how the appearance of these people was formed. And thirdly, the authors consider the problem of the physical appearance of the inhabitants of Europe, makers of the first autochthonous Upper Paleolithic industry — Gravettian. It is shown that the craniological characteristics of the male crania of the Aurignacian and Gravettes cultures, against the background of summary data on European Upper Paleolithic crania, demonstrate the similarity of these groups, but, unfortunately, this similarity is not very convincing due to the small number of observations. Even though the questions formulated as problems do not find unambiguous answers, the arousal itself sets the direction for further research on Upper Paleolithic *Homo sapiens*.*

Keywords: *Upper Paleolithic, human evolution, *Homo neanderthalensis*, Neanderthals, Upper Paleolithic *sapiens*, *Homo sapiens*, *Homo heidelbergensis*, Gravettian*

For Citation: Gerasimova, M. M. and N. V. Kharlamova. 2022. Common Upper Paleolithic Human Remains — New Challenges. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 352–371.

Author Info: **Gerasimova, Margarita M.** — Ph.D. in History, Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Russian Federation, Moscow). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4502-3586>

Kharlamova, Natalia V. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Russian Federation, Moscow). E-mail: natasha_kharlamova@iea.ras.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9087-9490>

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology “The evolutionary continuum of the genus *Homo*”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”.

Успехи генетики и методов абсолютного датирования способствовали изменению парадигм теории эволюционной антропологии, антропологии, начавшимся в последней четверти прошлого века (в частности — отказу от анагенетической модели развития; отказу от стадиальной обязательной роли европейских неандертальцев в качестве эволюционного звена в становлении человека современного вида; отказу от идеи жесткой причинно-следственной связи между характером археологической культуры и физическим типом ее создателей; принятию концепции африканской прародины современного человека и т. д.). Изменилось и представление о происхождении европейской культуры верхнепалеолитического человека, ее возрасте, чему способствовало абсолютное датирование археологических памятников и прямое датирование скелетных человеческих останков. В археологии верхнего палеолита Европы, в том числе и отечественной археологии Восточной Европы, значительно пошатнулись сложившиеся ранее представления и схемы, что вызвало довольно активное обсуждение вопросов перехода от среднего палеолита к верхнему и перехода от средней поры верхнего палеолита к позднему верхнему палеолиту. Уточнение абсолютного возраста палеоантропологических находок и археологических культур, факт сосуществования в Европе человека современного вида и неандертальцев настоятельно требуют ревизии наших представлений о ходе антропогенеза на поздних стадиях сапиентации и пересмотра старых палеоантропологических находок эпохи раннего и среднего верхнего палеолита.

Попробуем очертить три проблемы, возникшие в связи с вышесказанным, ограничившись лишь рассмотрением европейских материалов.

Проблема таксономического ранга неандертальцев и их роли в происхождении европейского верхнепалеолитического населения

Эта проблема неоднократно освещалась в литературе, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Вплоть до последней четверти прошлого века происхождение современного человека, особенно в отечественной антропологии, связывали с верхнепалеолитической эпохой (напр., Рогинский 1977; Перевозчиков, Хрисанфова 1999; Алексеев 1978). В. П. Алексеев прямо писал о генетической преемственности современного и неандертальского видов, иллюстрируя этот процесс многочисленными переходными формами, и «об отсутствии определенных данных, говорящих против формирования человека современного вида раньше 35–38 тыс. лет тому назад» (Алексеев 1978: 166–167).

Как мы теперь с уверенностью можем говорить, древность *H. sapiens* выходит за рамки верхнего палеолита, сапиенсы оказались древнее неандертальцев, что исключает, казалось бы, возможность участия последних в качестве прямых предков современного человека.

Поскольку для Европы признанным фактом стало сосуществование на определенном отрезке времени двух хорошо очерченных таксонов — *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*, безусловно, возникает вопрос о взаимоотношениях между представителями этих двух групп человечества. И в этой связи вновь актуализируется вопрос о таксономическом ранге неандертальцев. Обзор литературы (Зубов 2004: 309–312) свидетельствует о том, что таксономический ранг неандертальцев то понижался до ранга подвида — *Homo sapiens neanderthalensis*, то вновь возвращал-

ся в ранг вида. Почему так важно определение таксономического ранга неандертальцев? Потому что только ранг неандертальцев как подвида *H. s.*, что исключает факт генетического барьера, делает возможным его участие в формировании вида *H. sapiens* (межвидовые гибриды, как правило, или нежизнеспособны или не дают плодovитого потомства, тем более, метисной популяции).

Казалось бы, успехи молекулярной генетики способствуют успешному решению этой проблемы — видовой ранг неандертальского таксона был подтвержден данными анализа митохондриальной ДНК классического неандертальца из Дюсельдорфа, позволившими рассчитать время расхождения эволюционных путей неандертальцев и сапиенсов в районе 550–690 тыс. лет назад (*Krings et al.* 1997). Генетическое исследование митохондриальной ДНК ребенка из Мезмайской пещеры на Северном Кавказе и сопоставление с данными из Дюсельдорфа (*Ovchinnikov et al.* 2000), а также исследование ядерных нуклеотидов образцов неандертальцев из Мезмая, Энгис, Ля-Шапель-о-Сен, и ряда других из Италии и Испании, также показало, что неандертальцы не внесли своего вклада в генофонд *Homo sapiens*.

Несмотря на успехи молекулярной палеогенетики, которая скорее отрицает неандертальскую стадию в эволюции, считая все человечество или результатом единой африканской миграции (*Зубов* 2019: 290–296), или диффузного проникновения из Африки определенного генотипа, несущего «наследственное преимущество» (*Eswaran* 2002 по: *Медникова* 2004: 135–136), в эволюционной антропологии, в том числе отечественной, продолжают существовать идеи трансформации неандертальского таксона в современный вид или, по крайней мере, метисации этих двух видов (*Харитонов, Бацевич* 1997; *Аникович* 1997; *Сунгирь* 1984: 100–140, *Homo sungerensis* 2000: 193–217, *Вешняцкий* 2008), энергично отстаиваемые А. Г. Козинцевым (напр., *Козинцев* 2003; 2004).

Биологу кажется очевидным, что идея трансформации европейских классических неандертальцев в сапиенсов изначально обречена, согласно правилу Далло (принципу необратимости эволюционных изменений), поскольку некоторые особенности посткраниального скелета и ряд деталей строения черепа имеют у них ультрасовременный характер (*Зубов* 2004: 275–276). Кроме того, неандертальцы представляют собой очень специализированную форму, отличающуюся большим объемом мозга при архаичном строении черепной коробки со своеобразной структурой затылочной кости (признака селективно нейтрального и потому таксономически ценного), специфичностью строения лицевого отдела и одонтологических признаков, достигшую, в уникальных условиях приледниковья, высокого уровня биологической адаптации. Именно эта специализация опровергает представления, например, Е. Н. Хрисанфовой, что неандертальцы — это **поздние** представители европейского **архаического сапиенса** (*Сунгирь* 2000: 100–140).

Позволим себе небольшое отступление. Это словосочетание пришло в отечественную литературу из англоязычной, для которой характерно употребление таких терминов вне классической биологической систематики, как «ранний архаичный сапиенс» (early archaic *Homo sapiens*) и «поздний архаичный сапиенс» (late archaic *Homo sapiens*). Поздний архаичный сапиенс в англоязычной литературе имеет синонимы «near modern» или «anatomically close-to-modern type (анатомически современный тип)» для обозначения «последнего звена перед полностью сложившимся человеком современного типа» (*Зубов* 2004: 342). Нельзя сказать, чтобы эта номенклатура

упростила понимание сложного процесса сапиентации. Такие определения нарушают основные принципы таксономии, согласно которым формы, характеризующиеся архаическими чертами, должны относиться к предшествующему таксону, а не последующему. Предлагаемые термины противоречат самой природе видообразования путем формирования внутри вида подвидовых таксономических единиц (Васильев 2009а). Эта терминологическая классификационная система, не отвечающая правилам биологической номенклатуры, разработанная на африканских материалах, ничуть не вносящая ясности, способствовала введению отечественными палеоантропологами термина «сапиентные мустьерцы» (Харитонов, Бацевич 1997: 60; Сунгирь 1984: 100; Зубов 2004: 364–368). Под «сапиентными мустьерцами» в сводке А. А. Зубова рассматриваются ископаемые формы из пещер горы Кармел, по Ф. Вайденрейху получившие ранее название *H. neanderthalensis palestinensis* (палестинские неандертальцы). Когда-то Я. Я. Рогинским они рассматривались как промежуточное звено между неандертальцами и современным человеком в русле принятой тогда модели трансформации, позднее вообще получили ранг *close-to-modern type* — анатомически современный человек. Затем они были объединены с находками из пещеры Джебель Кавзех в группу «переднеазиатских мустьерцев». К ним же были причислены с легкой руки Е. Н. Хрисанфовой и А. А. Зубова восточноевропейские фрагментарные переотложенные, случайные находки скелетных останков из Романково, Самары, Шкурлат, сходненская, хвалынская, и подкумская черепные крышки, фрагменты лобных костей из Днепропетровска, а также затылочная кость на о. Меровой, в той или иной мере связываемые с размытыми, предположительно, мустьерскими стоянками (Зубов 2019: 322–324). Именно с этими восточноевропейскими формами А. А. Зубов связывал широкое расселение человека, относимого им к *позднему архаичному сапиенсу*, распространение мустьерской культуры в пределах Восточно-европейской равнины.

С точки зрения А. А. Зубова, крупнейшего исследователя и теоретика эволюционной антропологии, на магистральной линии сапиентации существовало два вида — *Homo heidelbergensis* («ранний архаичный сапиенс») и *Homo sapiens* («поздний архаичный сапиенс» и «ранний анатомически современный человек»), включающий диапазон форм от верхних границ гейдельбергского таксона до оформившегося современного сапиенса эпохи верхнего палеолита. Истоки «обобщающей модели сапиенса» в Старом свете он видел в формах Схул и Кавзех в Передней Азии (Зубов 2019: 329–330).

Авторы настоящего сообщения, разделяя идеи Я. Я. Рогинского «широкого моноцентризма» (Рогинский 1949; 1977 и др.), придерживаются гипотезы С. В. Васильева, на настоящем витке знаний хорошо иллюстрированной палеоантропологическими находками и их абсолютным возрастом. Суть ее в том, что предками современного человека, вероятнее всего, были эректоидные формы уровня *Homo heidelbergensis*, формирующие в Средиземноморье различные метисные варианты, максимально стабилизирующиеся только на подвидовом уровне, что было обусловлено разнонаправленностью миграционных путей древних гоминид и таким образом исключало возможность аллопатрического пути видообразования. В Передней Азии полиморфный вид гейдельбергского человека, имея в своей морфологии мозаику неандерталоидных и сапиентных характеристик, формировал различные подвидовые и метисные варианты: неандерталоидно-сапиентные формы (группа Схул),

эктоидно-неандерталоидные (Табун, Шанидар, Амуд) или эректоидно-сапиентные (Кавзех). В Африке они оформились в вид *Homo sapiens*, а в Европе — в *Homo neanderthalensis* (Васильев 1999; 2006; 2009). Расселившиеся в Европе внутривидовые метисы гейдельбергского таксона и оформившийся неандертальский вид не выдержали впоследствии конкуренции с новыми сапиентными пришельцами из Африки. Учитывая возраст группы Схул-Кавзех порядка 90–115 тыс. лет и европейских неандертальцев не ранее 70 тыс. лет, архаические плезиоморфные признаки, диагностируемые на черепе и посткраниальном скелете верхнепалеолитических людей Европы, никак не могут быть расценены как неандертальские.

Поэтому идея трансформации вида *H. neanderthalensis* в вид *H. sapiens*, как нам кажется, на морфологическом уровнях изучения материала не получает подтверждения. С данными палеогенетики все обстоит не так очевидно. Ярким примером может служить ситуация с человеком с Маркиной Горы (Костенки 14) — древнейшей находкой человека современного вида на территории Восточной- европейской равнины. Происхождение этой формы верхнепалеолитического сапиенса остается неясным, как и ее роль в процессах формирования населения Восточной Европы, учитывая ее разительное отличие не только от другого верхнепалеолитического варианта, представленного находками из Сунгиря, но и всей совокупности европейского верхнепалеолитического населения Европы. Согласно палеогенетическим данным (Krause et al. 2010 по: Mousseev et al. 2017), выделенная в К-14 полная митохондриальная последовательность ДНК содержит гаплогруппу U2, широко распространенную на территории Европы, Северной Африки и Западной Азии. О присутствии неандертальской ДНК в геноме К-14 никаких упоминаний, и проблема эта палеоантропологами не комментируется и не обсуждается. Однако есть данные, свидетельствующие о наличии в геноме одной из древнейших восточноевропейских находок человека современного вида со стоянки Костенки-14 участков неандертальской ДНК, более длинных, чем у современных европейцев (Seguin-Orlando et al. 2014, по: Хартанович и др., 2016: 11). Отсюда делается вывод о «скрещивании с неандертальцами, случившемся около 54 тыс. лет тому назад» (Медникова и др. 2016). Таким образом, идея трансформации *Homo neanderthalensis* в *Homo sapiens* перерастает в идею гибридизации сапиенсов и неандертальцев. Проблема взаимоотношений этих двух таксонов вновь актуализируется, но дебаты по этому вопросу не столь яростны.

Проблема происхождения носителей симбиотических «переходных» культур верхнего палеолита

Рассмотренная выше проблема о возможном участии европейских неандертальцев в формировании ископаемого *H. sapiens* самым тесным образом связана с проблемой происхождения верхнепалеолитических европейских культур. В археологии верхнего палеолита Европы, в том числе и отечественной, довольно активно обсуждаются вопросы относительно перехода от среднего палеолита к верхнему и перехода от средней поры верхнего палеолита к позднему верхнему палеолиту, основанные не столько на геохронологии и стратиграфии, как нам кажется, а на абсолютном датировании археологических памятников и ассоциированных с ними скелетных человеческих останков.

Для зарубежной литературы, как отмечают сами исследователи, характерна «евроцентристская» точка зрения, и проблема взаимоотношений, описанных выше таксонов и «исчезновения неандертальцев» рассматривается, в основном, как западноевропейская проблема. События, которые происходили в Северной Африке или на Кавказе и Восточной Европе, не включаются в научный анализ. Об этом говорят сами исследователи, объединившие под одной обложкой результаты исследователей из Португалии, Испании, Италии и Франции, давших целостный географический обзор процессов, сопутствующих периоду средне-верхнепалеолитического перехода (*Bar-Josef, Pilbeam 2000*). Длительное сосуществование в несколько тысяч лет групп, различающихся применяемыми технологиями (среднепалеолитическими и уже обладающими верхнепалеолитическими чертами) подразумевает длительное сосуществование неандертальцев и «анатомически современных людей». В Западной Европе самые ранние следы верхнепалеолитических индустрий представлены ориньяком, который явно привнесен извне (*Mellars 1992*). Происхождение этой пришлой культуры практически не обсуждается. Наряду с ориньяком в том же самом географическом диапазоне (в основном, во Франции, Италии и Португалии) представлены шательперронские индустрии, технология которых резко контрастирует с ориньяком и развивается из непосредственно предшествовавших поздних неандертальских мустьерских технологий того же региона (*Pelegrin 1995; d'Errico et al. 1998*). Согласно некоторым авторам, появление верхнего палеолита в Европе на севере Пиренейского полуострова примерно 40 тыс. лет назад (радиокарбонных) и связанное с появлением «анатомически современного человека», предшествует большинству шательперронских индустрий. Анализ дат и географии памятников приводит к мысли, что эти две группы европейского человечества сосуществовали значительный период времени в пределах смежных, но самостоятельных территорий. И, в связи с этим предположением, разделяется идея аккумулярации, прослеживаемой на материалах, связанных с «последними неандертальцами». В качестве примеров потенциально возможного характера взаимоотношений этих групп населения предлагаются примеры из предыстории Северной Америки в духе фронтальной гипотезы.

Однозначным доказательством того, что шательперрон — дело рук типичных неандертальских гоминид, считаются скелетные находки в Сан-Сезаре (*Sant-Césarie*) и в Арси-сюр-Кюр (напр., *Leveque and Vandermeersch 1980; Hublin et al. 1996*). Вопрос ставится так: могут ли тщательно оформленные орудия из кости и бивня, набор подвесок из зубов животных и следы использования красной охры быть просто «скопированными» (или заимствованы) у соседствующих групп ориньякского населения, или это автономное независимое изобретение верхнего палеолита финальных неандертальских популяций (*Вишняцкий 2008*)? То, что останки принадлежали неандертальцу, даже не обсуждается, а принимается безоговорочно.

В Сен-Сезаре, как описано в нашей литературе (*Зубов 2004: 224*), найдены неполный череп (правая половина), фрагмент нижней челюсти, отдельные фрагменты посткраниального скелета: ребер, лопатки, длинных костей конечностей. К сожалению, мы не смогли найти подробное морфологическое описание и измерения черепа. Фотография копии черепа *Рис. 1* свидетельствует о чрезвычайно трудоемкой и тщательной реставрации, но вызывает и некоторые сомнения в безусловном отношении этой находки к европейским неандертальцам.

Рис. 1. Фото реставрированного черепа (копия) из Сен-Сезар. 2018 г. Национальный археологический музей Сен-Жермен-ан-Ле. Photo: Don Hitchcock, donsmaps.com.

Прежде всего, против такого утверждения свидетельствуют форма надбровного валика арочного типа (признак, характерный для *Homo heidelbergensis*), невысокие глазницы и узкое грушевидное отверстие, а также отсутствие возможности диагностировать характерный для европейских неандертальцев комплекс черт строения затылочного отдела. Представляется более приемлемой осторожная диагностика: безусловно — это череп не сапиенса, он скорее принадлежит одной из более поздних внутривидовых метисных форм гейдельбергского человека.

Второй памятник, дающий как будто бы ключевой материал для решения вопросов, связанных с обсуждаемой проблемой, — это находки в многослойных местонахождениях в карстовых пещерах Арси-сюр-Кюр, где на протяжении уже более века, с 1859 г., обнаруживаются разрозненные фрагменты человеческих останков, диагностируемых как принадлежащие *Homo*. В 1979 г. в гроте Оленя (Grotte du Renne) в шательперронских слоях с орудиями и украшениями были найдены зубы 6 индивидов в возрасте от новорожденного до взрослого. Морфологический анализ 15 постоянных и 14 молочных зубов (Bailey, Hublin 2006) А. А. Зубову, основателю отечественной школы одонтологии, показался достаточно убедительным для отнесения этой формы к неандертальцам или, во всяком случае, для вывода о том, что зубы более похожи на неандертальские, нежели на сапиентные: наличие эпикристида и шестого бугорка на нижних молярах, глубокая передняя ямка на втором моляре. Молочные зубы обнаруживали еще большее сходство со строением неандертальских зубов (Зубов 2019: 216–217). Принимая точку зрения А. А. Зубова о том, что неандерталоидные черты в зубной системе сохраняются даже иногда у современного человека, мы оставляем за собой право считать, что они могут свидетельствовать о сохранении плезиоморфных признаков, присущих формирующемуся человеку разумному на уровне подвида. Но мы не можем согласиться с его выводом, что «морфологический анализ зубов из грота Оленя свидетельствует, что изготовителями орудий типа шательперрон были неандертальцы» (Зубов 2019: 217). Морфологический анализ может свидетельствовать о принадлежности их неандертальцам, но не может быть доказательным для утверждения о том, что они были изготовителями найденных артефактов. Вспомним известный случай нахождения в пещере Стеркофонтейн многочисленных костей австралопитеков, найденных с орудиями развитого оловя. Значило ли это, что орудия принадлежали австралопитекам? Нет,

они с большей долей вероятности принадлежали телантропу (*Homo ergaster*), который охотился на австралопитеков, и фрагменты скелета которого были обнаружены в соседней пещере Сванткрэнс.

Возвращаясь к находкам Арси-сюр-Кюр, следует отметить, что возникшие сомнения о связи этих зубов с обнаруженными индустриями из-за возможного перемещения, интрузии и смешения слоев (*Bar-Josef, Bordes 2010*), кажется, были устранены новейшими разработками в изучении аминокислотной последовательности белков и определениями мтДНК из фрагментов костей из этого местонахождения (*Welker et al. 2016*). Но трактовка этих данных вне нашей компетенции.

Таким образом, у нас могут быть доказательства возраста этих находок человеческих останков (прямое датирование их или сопутствующей фауны, ненарушенность вмещающих слоев и т. д.) и их систематического положения, но у нас нет неоспоримых доказательств авторства найденных артефактов.

И мы остаемся в сомнениях: кто был создателем культуры шательперрон? В этой связи несколько удивляет высказывание А. Г. Козинцева о том, что «принадлежность выросших на местной мустьерской основе верхнепалеолитических культур, близких сунгирской, но более ранних (селет, шательперрон и др.), неандертальцам или их потомкам не вызывает сомнений практически ни у кого» (*Козинцев 2003: 60*).

В отечественной археологической литературе по поводу природы раннего верхнего палеолита Европы с некоторыми нюансами также признается сосуществование двух или трех основных типов индустрий: 1) собственно верхнепалеолитических, в которых отсутствует сколько-нибудь выраженный среднепалеолитический компонент, 2) собственно среднепалеолитических («пережиточное мустье»), 3) «симбиотических», «архаичных», в которых наряду с выраженными верхнепалеолитическими элементами присутствуют архаичные или «мустьерский» компонент. Нижней хронологической границей раннего верхнего палеолита Европы М. В. Аникович считал появление древнейших верхнепалеолитических индустрий типа селета и шательперрона в районе 40 тыс. лет и древнее, ориньяк же датируется им не ранее 36,5 лет. Определенным подтверждением идеи преемственности верхнепалеолитического населения от неандертальского для М. В. Аниковича послужило заключение о некоторых особенностях двух детских скелетов со стоянки Сунгирь, интерпретируемых как свидетельство их принадлежности людям двух разных племен, стоящих на разных ступенях развития. Это предположение, как сами пишут авторы исследования, перекликается с мнением В. П. Якимова, считавшего возможным «соприкосновение в Восточной Европе, на окраине расселения человека современного вида, представителей *Homo sapiens* и *Homo sapiens neanderthalensis* и гибридизации их популяций» (*Сунгирь 1984: 197*). Эта точка зрения имеет лишь исторический интерес, в более поздней работе этих авторов подобных заключений не содержится, авторы относят сунгирские находки, «без сомнения, к подвиду ископаемого *Homo sapiens*» (*Homo sungirensis 2000: 271–282*).

С точки зрения А. А. Синицына, начало верхнего палеолита характеризуется сосуществованием двух типов индустрий: ориньякской, привнесенной извне, и «переходных» индустрий — селет, улуццо, шательперрон и т. д. (*Синицын 2005; 2013*). Развитые верхнепалеолитические индустрии в Восточной Европе, в частности в Костенках на Дону, не моложе, а даже в некоторых случаях древнее, чем «симбиотические» культуры, в частности, целый пласт древнейших индустрий в К-14 залегает ниже слоя вулканического пепла и, таким образом, древнее 39 тыс. лет. Что, безус-

ловно, требует объяснений. К сожалению, самая древняя находка сапиенса в Восточной Европе, о которой мы писали выше, удивительная по погребальной обрядности, своей сохранности и уникальности сочетания антропологических признаков, из Костенок-14 не имеет археологической культурной атрибутики. Возможная намечающаяся связь этого погребения с ранними ориньякскими слоями явится объяснением не только некоторых морфологических особенностей скелета и черепа, погребенного (Дебец 1955; Бунак 1980; Герасимова 2020), но и особенностей генетики этого человека, как наследия подвидовых форм *Homo heidelbergensis*.

Но вот что удивляет, так это ранее заселение северо-востока Русской равнины, бассейнов Верхней Камы и Печоры, о чем свидетельствуют индустрии, относящиеся к селетской или стрелецкой культурам (возраст Мамонтовой Курьи 38–34 тыс. лет, Заозерья 33–30 тыс. лет). Вероятнее всего, это результат вынужденной миграции групп, вытесняемых более поздним ориньякским населением (Павлов 2009: 95–96). Но кто были носители этих индустрий и что это были за группы? О нижней челюсти ребенка, принадлежащей *Homo sapiens*, из местонахождения Крутая Гора на Печоре известно крайне мало.

Палеоантропологические находки останков носителей симбиотических культур очень немногочисленны. В связи с проблематикой перехода от среднего палеолита к верхнему наиболее полно изучена стоянка Сунгирь (Сунгирь 1984, *Homo sungirensis* 2000, Gavrilov 2016). Выявленные Е. Н. Хрисанфовой некоторые архаичные особенности строения посткраниального скелета Сунгирь 1, Б. А. Никитюком и В. М. Харитоновым детских скелетов Сунгирь 2 и Сунгирь 3, Трофимовой Т. А. детских черепов С2 и С3 (Сунгирь 1984: 100–140, 182–203, 144–155), интерпретируемые как неандертальские, дали повод для теоретических построений если не о прямой преемственности верхнепалеолитического населения от неандертальского, то для идеи замещения неандертальского населения сапиентным — путем возможной метисации классических неандертальцев Европы и кроманьонских пришельцев из южных широт (Козинцев 2003; 2004). Комментируя некоторую архаику в строении сунгирских находок, А. Г. Козинцев расценивает ее как неандертальскую, не принимая во внимание факт африканского происхождения архаического компонента у гоминид группы Схул-Кавзах.

В развернувшейся дискуссии с М. Б. Медниковой (*Homo sungirensis* 2000: 393) А. Г. Козинцев продолжает оставаться на своих позициях об отсутствии между двумя видами человечества (неандертальцами и сапиенсами) репродуктивного барьера. Апеллируя к идеям Я. Я. Рогинского о широком моноцентризме, А. Г. Козинцев предлагает для понимания ситуации в Европе в эпоху позднего оледенения «японскую» модель взаимоотношений носителей земледельческой более продвинутой культуры яёй с племенами дзёмон, которые были частично ассимилированы и вошли в формирующийся японский этнос (Козинцев 2003: 60). Подобные аналогии в духе фронтальной модели кажутся неуместными, поскольку в рассматриваемой нами ситуации речь идет о возможности биологических контактов двух «хороших» видов, а не об ассимиляции или поглощении одной группой людей современного вида другой группы, носителей культуры другого уровня развития. Идея своего рода трансформации форм от неандертальца из Сен-Сезар до Сунгирия как финала эволюционных изменений путем полового отбора, высказанная А. Г. Козинцевым, получила критическую оценку М. Б. Медниковой в двух публикациях (*Homo sungirensis* 2000: 387–396, Медникова 2004: 135–144). Основной акцент последней полеми-

ской статьи А. Г. Козинцева 2004 г. был направлен против идей В. Эсварана, которые, видимо, разделяет М. Б. Медникова; против привлечения аргументов палеогенетики (к которым сам оппонент энергично прибегает). Интерес в этой дискуссии представляют аргументы А. Г. Козинцева, с которыми мы согласны, против адаптивной гипотезы, выдвинутой М. Б. Медниковой, для объяснения некоторых черт в строении скелета человека из Сунгира. Действительно, в строении посткраниального мужского скелета из Сунгира — С1 зафиксированы многочисленные признаки сходства с «сапиентными мустьерцами» группы Схул, а именно рост, пропорции конечностей, признаки строения кисти и стопы и т. д. (см. подробнее: *Homo sungirensis* 2000: 193–217), а не неандертальские. С европейскими неандертальцами его объединяют исключительно некоторые черты адаптивного арктического комплекса (по данным Е. Н. Хрисанфовой).

Сунгирские краниологические материалы отличаются чрезвычайной степенью краниологического полиморфизма, спектр которого адекватен изменчивости всех европейских верхнепалеолитических ископаемых людей.

Расовые особенности черепов, в современном понимании, выражены неотчетливо: у мужского черепа лицевой скелет и носовые кости несколько уплощены, один из детских черепов имеет узкое носовое отверстие и выраженный прогнатизм, два других черепа, ребенка С3 и женщины С5 также образуют два различных краниологических варианта. Такой череп, как Сунгирь 1, можно найти в любой европейской популяции, если отвлечься от очень больших размеров лица. Г. Ф. Дебед охарактеризовал его как представителя кроманьонского типа в широком смысле этого термина, т. е. охватывающего всех верхнепалеолитических людей Европы. Сочетание признаков на черепе Сунгирь 1 в современных расовых вариантах встречается крайне редко, среди ископаемых черепов ближайšie аналогии мы находим с одной стороны с черепом Пшедмост III, с другой — с черепом Чжоукоудянь 101 (*Бунак* 1973, Сунгирь 1984: 14–100, *Homo sungirensis* 2000: 235–236). Долихокрания черепа Сунгирь 5 в сочетании с широким и низким лицом образуют комплекс признаков, отличный от характерного для черепа Сунгирь 1. Дисгармоничность в сочетании лицевого и черепного указателей выражена не менее отчетливо, чем в «кроманьонском» типе, выделенном французскими антропологами. Ближайшие аналогии обнаруживаются с черепом Костенки 2 (Сунгирь 1984: 143). Детские костяки и черепа из парного погребения 2 морфологически отличаются друг от друга, хотя генетический анализ, как будто бы, говорит об их родственных отношениях.

Апелляция к соображениям Т. А. Трофимовой по поводу неандертальских черт неубедительна. Т. А. Трофимова акцентировала следующие черты, указывающие на сохранение неандерталоидных признаков на черепе: элементы шиньонобразности затылка, строение подносового края и низкая чешуя височной кости. Брахиокранная и мезокранная формы мозговой коробки детских черепов и более высокая, чем у неандертальцев, чешуя височной кости исключают эти признаки из аргументации, а *sulcus praenasalis* не входит в обязательный набор диагностических признаков неандертальского таксона, а просто является архаической чертой строения.

Таким образом, сунгирские материалы нельзя рассматривать как доказательство смешения неандертальцев с сапиенсами. Тогда кто все-таки был создателем переходных симбиотических культур? Практически отсутствие костных человеческих останков, ассоциированных с этими культурами (кроме детских костяков из Косте-

нок 15 и 18, очень плохой сохранности) лишает палеоантропологов возможности ответить на этот вопрос.

Проблема физического облика насельников Европы, носителей первой автохтонной верхнепалеолитической индустрии — граветт

Еще один важный момент, ломающий прежние представления — это изменения в трактовке природы граветтской индустрии. Выделенный когда-то как поздняя фаза перигора юго-западной Франции, в последние годы, по крайней мере, уже более четверти века, граветт рассматривается в рамках верхнего палеолита как первая собственно европейская **автохтонная** верхнепалеолитическая культурная традиция. Согласно представлению, основанному на современном уровне абсолютного датирования, граветт появляется практически одновременно на всей территории Европы в пределах 30–28 тыс. лет (Синицын 2013; Синицын 2014; Holt, Formicola 2008). Со всем недавно термин граветт/восточный граветт обозначал то группу памятников со своими пространственными и временными измерениями, то историко-культурную область/общность со специфическим технокомплексом, то «граветтский» эпизод в середине развития верхнего палеолита в Европе (Амирханов 1998). Сейчас его появление в Аквитании (Абри–Пато), Италии (Гримальдийские гроты, Пайличчи), Моравии (Дольни Вестонице, Павлов), на Дону (Костенки 8–II) является частью общеевропейского спонтанного развития (Синицын 2013).

Проблема состоит в том, что раньше представление о первых сапиенсах в Европе — кроманьонцах, носителях ориньякской культуры, строилось, в том числе, на основании останков из наиболее известного местонахождения Кроманьон, а также из Гримальдийских гротов в Италии, которые сейчас относятся к граветту и эпиграветту (Holt, Formicola 2008; Henry-Gambier 2008; Lumley 2016: 707–708) (Таблица 1).

Таблица 1

Сведения о возрасте погребений в гротах Гримальди (по данным Lumley 2016: 707–708)

Название	год	шифр	пол	возраст	археол. к-ра	абсол. возраст
Грот Кавийон	1872	GC1	ж	Adult	ранний граветт	28780+500 BP
Барма Б. де Торре	1873	BT1	м	Adult	граветт	
—//—	1873	BT2	м	Adult	граветт	
—//—	1873	BT3	м	Adolescen.	граветт	
Барма Гранде	1884	BG1	м	Adult	граветт	
Барма Гранде		BG2	м	Adult		
(тройное погребение)	1892	BG3		Adolescen.	граветт	
		BG4		Adolescen.		
Барма Гранде	1894	BG5	м.	Adult	граветт	
—//—	1894	BG6	м		граветт	24800+800 BP
Грот Детей	1874–	GE1		Inf 1		
(двойное погребение)	1875	GE2		Inf	эпиграветт	11130+100 BP
Грот Детей	1901	GE3	ж	Adult	эпиграветт	12200+400 BP
—//—	1901	GE4	м	Adult		
Грот Детей		GE5	ж	Adult		
(двойное погребение)		GE6	м	Adolescen.		
Арене Кандиде	1942	AC1	м	Adolescen.	граветт	23440+190 BP

Понятие «кроманьонцы» было синонимичным понятию «верхнепалеолитический сапиенс» и употреблялось «...для обозначения пост-неандертальской фазы эволюции в стадильной теории антропогенеза» (Зубов 2019: 335). В отечественной и зарубежной литературе верхнепалеолитические черепа Европы, как и их одонтологические особенности, получили исчерпывающую характеристику (Бунак, 1980; Гохман 1966; Алексеев 1978; Сунгирь 1984: 14–100; Homo sungirensis 2000: 180–192; Зубов 2004, Patte 1962; Wolpoff 1971 и др.).

В отечественной палеоантропологии общепризнанной в настоящее время является гипотеза В. В. Бунака (Бунак 1966; 1980) о краниологическом полиморфизме позднепалеолитического человека, еще не обладавшем устойчивым сочетанием признаков, специфичных для современных рас, а характеризующемся разнообразным сочетанием отдельных признаков. Тем не менее, большинство верхнепалеолитических черепов Европы образует круг европеоидных форм, который отличается некоторой нейтральностью, как правило, отсутствием резко уклоняющихся форм в сторону широконосости, плосколицести или, напротив выступания челюстей; их сходство проявляется в том, что они эволюционируют в одном направлении (Сунгирь 1984: 73–74). Тем не менее, вопрос о классификации европейских верхнепалеолитических форм имеет свою историю, изложение которой выходит за рамки доклада, но стоит отметить, что в основе всех классификаций лежал морфологический принцип, а не территориальный или культурно-хронологический (сводка мнений: Гохман 1966; Алексеев 1978: 182–183; Сунгирь 1984: 65–70), и во всех присутствовало определение кроманьонского краниологического типа, отличающегося дисгармоничностью строения, проявляющейся в сочетании долихокранного мозгового черепа с низким и широким лицом. Наиболее ярко он проявлялся в черепах Младеч V, Кро-Маньон I, Грот Детей и Оберкассель. Теперь же перед нами возникают вопросы: что такое «кроманьонский антропологический тип», реален ли он и насколько, какие конкретные палеоантропологические находки мы можем ассоциировать с ориньяком, каковы их морфологические особенности (краниологические и одонтологические)?

Теперь кроманьонский человек может быть охарактеризован только на основании данных из Кроманьона (два мужских и два женских черепа), мужского черепа из Ле Коте, трех мужских черепов и одного женского из Младеч, к тому же плохой сохранности. Краниологические характеристики мужских черепов ориньякской и граветтской культур на фоне суммарных данных о европейских верхнепалеолитических черепах (Алексеев 1978) демонстрируют сходство этих групп населения, но количество наблюдений, к сожалению, не делает это сходство убедительным (Таблицы 2, 3, 4).

Таблица 2

Краниометрические данные о мужских ориньякских черепах

Находка / признаки по Мартину	1	8	9	17	45	48	51	52	54	55
Кроманьон I	203	150	102	133	141	70	46,9	27,5	25	52
Кроманьон III	203	152	96							
Ле Котте	192	138								
Младеч I	199	148	98		133	68	42,8	29,6	25	49
Младеч V	206	142	94	138		70	41,9			
Младеч VI	201	149	105							
Средние	200,6	145,0	100,0	135,5	137,0	69,3	43,9	28,5	25,0	50,5

Таблица 3

**Сравнительные краниметрические данные о черепах граветта
Франции, Италии и Чехии**

Признаки по Мартину		1	8	9	17	45	48	51	52	54	55
Пато 1	ж	184	139	99	131	133	65	40	31,4	24,9	50,2
Barma del Caviglione 1	ж		140	93				43,0	28	26,0	52
Grotte des Enfants 5	ж	190	130	95	135	126	66	38,0	28	28,0	52
Paglicci 25	ж	178	136	101	132	135	68	40,0	29	24,0	50
Суммарно Италия (ж)		184	135	96	134	131	67	40	28	26	51
Barma Grande 5	м	204	140	111	153*	148	74	49,0	30	28,0	56
Grotte des Enfants 4	м	198	152	104	131	150	68	48,0	31	28,0	54
Barma Grande 1 (Menton)	м	194	140	99				42,0	26		
Barma Grande 2 (triple burial)	м	211	134		158*			48,0	29		
Суммарно Италия (м)		202	142	105	147	149	71	47	29	28	55
Dolni Vestonice 15	ж	187	134	99			63	42,0	31	22,0	50
Dolni Vestonice 2	ж	197	135	95							
Dolni Vestonice 3	ж	186	130	92	129	126	63	41,0	31	23,0	52
Predmosti 10	ж	185	144	103		141	68	41,0	27	28,0	51
Predmosti 4	ж	192	144	98	136	136	63	38,0	27	27,0	48
Подбаба	ж	203	145	103	135						
Суммарно Чехия (ж)		189	138	98	133	134	64	40	31	25	51
Brno II											
Dolni Vestonice 1	м	202	148	99					27		
Dolni Vestonice 13	м	190	144	100	131		69	42,0	31	30,0	54
Dolni Vestonice 14	м	198	136	105	134		68	44,0	28	27,0	56
Dolni Vestonice 16	м	202	139	97	137	137	70		32	28,0	59
Pavlov 1	м	204	137	103				44,0	27		
Predmosti 1	м	189	139	98						28,0	
Predmosti 3	м	202	145	104	133	142	77	42,0	29	25,0	59
Predmosti 9	м	196	145	105	134	135	68	39,0	26	25,0	54
Суммарно Чехия (м)		199	142	102	136	138	70	42	29	27	55
Predmosti 6		179	133	89							
Predmosti 5 15–16		189	138	99				38,0	26		
Predmosti 7 12–14		208	146	101	136			39,0	28	29,0	
Predmosti 22		177	135	96	119	120		36,0	30	24,0	40
Barma Grande 3 (triple burial)		189	138	100		129	60	44,0	26	28,0	46
Barma Grande 4 (triple burial)		177	135			134			31		
Grotte des Enfants 6		194	132	95	136	124	61	41,0	25	22,0	50
Arene Candide 1 (GR)		198	130	96	144	128	61	45,0	39	25,0	51
Paglicci 12		177	134	93		124	63	42,0	35	23,0	50
Все подростки		188	136	96	134	127	61	41	30	25	47

Таблица 4

**Сравнение мужских черепов различной культурной атрибуции на фоне
верхнепалеолитической суммарной серии по данным Алексева В. П. 1978 г.**

Серии / признаки по Мартину	1	8	9	17	45	48	51	52	54	55
Верхний палеолит	195	141	98	138	140	70		30	26	52
Ориньяк	201	145	99	135	137	69	44	26	25	51
Граветт Италии	202	142	105	147*	149	71	47	29	28	55
Граветт Чехии	199	142	102	136	138	70	42	29	27	55

Примечание: * Огромная высота черепа за счет величины этого признака на двух черепах из Барма Гранде

Подводя итоги, мы должны признаться, что возникшие проблемы и поставленные вопросы, особенно второй и третий, не получили ответа, и вряд ли он будет получен в ближайшее время, но поставить их перед коллегами, антропологами и археологами, мы были просто обязаны.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность археологам Константину Николаевичу Гаврилову за отклик после доклада на VI Герасимовских чтениях и Дону Хичкоку (Don Hitchcock) за предоставленную фотографию копии реконструкции черепа из Сен-Сезар.

Научная литература

- Алексеев В. П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978. 282 с.
- Амирханов Х. А.* Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М.: Научный мир. 1998. 332 с.
- Аникович М. В.* Проблема становления верхнепалеолитической культуры человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: Наука, 1997. С. 141–155.
- Бунак В. В.* Краткий обзор таксономических и филетических схем гоминид // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 92. М.: Наука, 1966. С. 273–285.
- Бунак В. В.* Ископаемый человек из стоянки Сунгирь и его место среди других ископаемых позднего палеолита (Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, Чикаго, сентябрь 1973 г). М.: Наука, 1973. 16 с.
- Бунак В. В.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Васильев С. В.* Дифференциация плейстоценовых гоминид. М.: Издательство УРАО, 1999. 150 с.
- Васильев С. В.* Проблемы таксономии переходных и метисных форм ископаемых гоминид Передней Азии // Научный альманах кафедры антропологии. Вып. 5. М.: МГУ, 2006. С. 147–159.
- Васильев С. В.* О роли гейдельбергского человека в эволюции *Homo sapiens* // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2009 (4). С. 83–87.
- Вешняцкий Л. Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб: Изд-во С.-Петербургского Ун-та, 2008. 251 с.
- Гохман И. И.* Ископаемые неантропы // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 92. М., 1966. С. 227–272.
- Дебец Г. Ф.* Палеоантропологические находки в Костенках // Советская этнография, 1955. № 1. С. 43–53.
- Зубов А. А.* Палеоантропологическая родословная человека. М.: Россельхозакадемия, 2004. 551 с.
- Зубов А. А.* Палеоантропологическая родословная человека. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. ИТРК, 2019. 464 с.
- Козинцев А. Г.* От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения // Археология, этнография и антропология Евразии, 2003. № 1(13). С. 58–64.
- Козинцев А. Г.* Сунгирь: старый спор — новые аргументы // Археология, этнография и антропология Евразии, 2004. № : 1(17). С. 19–27.
- Медникова М. Б.* Некоторые дискуссионные проблемы смены внешнего облика населения при переходе от среднего палеолита к верхнему в Европе // Проблемы первобытной ар-

- хеологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова) / ред. В. И. Гуляев, С. В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 135–144.
- Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Строение трубчатых костей кисти у обитателей верхнепалеолитических стоянок Костёнки-14 и 8 (эволюционный и биоархеологический аспекты) // Вестник МГУ. Серия 23. Антропология, 2016. № 1. С. 20–34.
- Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Человек из верхнепалеолитической стоянки Костенки XIV: результаты генетических и морфологических исследований // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН. /отв. ред. Ю. К. Чистов. 2015. № 1. 2014. С. 429–435.
- Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Зубова А. В. Человек эпохи верхнего палеолита из Маркиной горы: морфология versus генетика? // Вестник Российской академии наук, 2017. Т. 87. № 2. С. 12–19.
- Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.06 СПб., 2009. 41 с.
- Рогинский Я. Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М.: Изд. МГУ, 1949. 156 с.
- Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1977. 263 с.
- Синицын А. А. Граветт Костенок в контексте Граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / отв. ред. Г. В. Синицына Российской Академия Наук Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург, 2013. С. 4–32.
- Синицын А. А. Костёнки в контексте проблемы формирования верхнего палеолита и распространения человека современного физического облика // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2014. № 4 (77). С. 137–151.
- Сунгирь: Антропологическое исследование / отв. ред. А. А. Зубов. М.: Наука, 1984. 215 с.
- Харитонов В. М., Бацевич В. А. Находки ископаемых гоминид на территории Восточной Европы и сопредельных регионов Азии // Вестник антропологии. 1997. № 3. С. 48–73.
- Хартанович В. И., Моисеев В. Г., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Бужилова А. П. Палеолитический человек из Маркиной горы (Костёнки XIV) по результатам комплексного анализа данных // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 2. С. 4–17. <https://cyberleninka.ru/article/n/paleoliticheskiy-chelovek-iz-markinoy-gory-kostyonki-xiv-po-rezultatam-kompleksnogo-analiza-dannyh> (дата обращения: 08.11.2022).
- Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В. Антропология. М.: Издательство МГУ, 1999. 400 с.
- Bailey S. E., Hublin J. J. 2006. Dental remains from the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure (Yonne) // Journal of Human Evolution. Vol. 50(5). P. 485–508.
- Bar-Josef O., Bordes J. G. Who were the makers of the Châtelperronian culture? // Journal of Human Evolution. 2010. Vol. 59. No. 5. P. 586–593.
- Bar-Yosef O., D. R. Pilbeam. The geography of Neandertals and modern humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge: Peabody Museum Press, 2000. 208 p.
- D’Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // Current Anthropology. 1998. Vol.39. Supplement 1. P. 1–44.
- Henry-Gambier D. Comportement des populations d’Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations // PALEO. Revue d’archéologie préhistorique. 2008. № 20. P. 399–438. <https://doi.org/10.4000/paleo.1632>
- Holt B. M., Formicola V. Hunters of the Ice Age: the biology of Upper Paleolithic people // American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists 2008. Vol. 137(S47). P. 70–99. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20950>
- Номо сунгирensis: Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования / Т. И. Алексеева, Н. О. Бадер, О. Н. Бадер [и др.]; Отв. ред. Т. И. Алексеева, Н. О. Бадер. М.: Научный мир, 2000. 468 с.

- Hublin J.-J., Spoor F., Braun M., Zonneveld F., Condemi S. A late Neanderthal associated with Upper Palaeolithic artefacts // *Nature*. 1996. Vol. 381. P. 224–226. <https://doi.org/10.1038/381224a0>
- Krings M., Stone A., Schmitz R. W., Krainitzki H., Stoneking M., Pääbo S. Neandertal DNA sequence and the origin of modern humans // *Cell*. 1997. Vol. 90. P. 19–30. [https://doi.org/10.1016/s0092-8674\(00\)80310-4](https://doi.org/10.1016/s0092-8674(00)80310-4)
- Lévêque F., Vandermeersch B. Les découvertes de restes humains dans un horizon castelperronien de Saint-Césaire (Charente-Maritime) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française. Comptes Rendus des Séances Mensuelles Paris*. 1980. Vol. 77. № 2. P. 187–189.
- Lumley H. de. La grotte du Cavillon sous la falaise de Baousse Rousse. Grimaldi, Vintimille, Italie. Paris: CNRS Editions, 2016. 995 p.
- Mellars P. A. Archaeology and the population-dispersal hypothesis of modern human origins in Europe // M. J. Aitken, C. B. Stringer, P. A. Mellars (eds.): *The origins of modern humans and the impact of chronometric dating*. Philosophical Transactions of the Royal Society of London Series B — Biological Sciences. 1992. Vol. 337, 1280. P. 225–234.
- Mellars P. A. The fate of the Neanderthals // *Nature*. 1998. Vol. 395. P. 539–540.
- Ovchinnikov, I. V., Götherström, A., Romanova, G. P., Kharitonov, V. M., Liden, K., Goodwin, W. Molecular analysis of Neanderthal DNA from the northern Caucasus. *Nature*. 2000. Vol. 404(6777). P. 490–493. <https://doi.org/10.1038/35006625>
- Patte E. La Dentition des Neanderthaliens. Paris: Masson et Cle, 1962. 160 p.
- Pelegri J. Technologie lithique: le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne). Paris: CNRS editions, 1995. 297 p.
- Welker F. et al. Palaeoproteomic evidence identifies archaic hominins associated with the Châtelperronian at the Grotte du Renne // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113. No. 40. C. 11162–11167. <https://doi.org/10.1073/pnas.1605834113>
- Wolpoff M. H. Competitive exclusion among Lower Pleistocene hominids: The single species hypothesis // *Man*. 1971. P. 601–614.

References

- Alekseev, V. P. 1978. *Paleoantropologiya zemnogo shara i formirovaniye chelovecheskikh ras. Paleolit*. [Global paleoanthropology and the formation of human anthropological types. Paleolithic]. Moscow: Nauka. 282 p.
- Amirkhanov, Kh. A. (ed.) 1998. *Vostochnyi gravett*. [Eastern Gravettian]. Moscow: Nauchnyi mir. 332 p.
- Anikovich, V. 1997. Problema stanovleniya verkhnepaleoliticheskoi kul'tury cheloveka sovremennogo vida v svete dannykh po paleolitu Vostochnoi Evropy [The problem of the formation of the Upper Paleolithic culture of modern humans in the light of data on the Paleolithic of Eastern Europe]. In *Chelovek zaseliaet planetu Zemlia. Global'noe rasselenie gomimid*, [Man populates the Earth. Global dispersal of hominids: materials of Symposium "Primary resettlement of mankind" (June 1993)], ed. by Kurenkova E. I. Moscow: Nauka. 141–155.
- Bailey, S. E. and J. J. Hublin. 2006. Dental remains from the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure (Yonne). *Journal of Human Evolution* 50(5): 485–508. <https://doi.org/10.1016/j.jhev-ol.2005.11.008>
- Bar-Josef, O. and J. G. Bordes. 2010. Who were the makers of the Châtelperronian culture? *Journal of Human Evolution* 59 (5): 586–593. <https://doi.org/10.1016/j.jhev-ol.2010.06.009>
- Bar-Josef, O. and D. R. Pilbeam. 2000. *The geography of Neandertals and modern humans in Europe and the Greater Mediterranean*. Cambridge: Peabody Museum Press. 208 p.
- Bunak, V. V. 1980. *Rod Homo, ego vozniknovenie i posleduiushchaia evoliutsiia* [Genus Homo, its origin and subsequent evolution]. Moscow: Nauka. 328 c.
- Bunak, V. V. 1973. Iskopaemyi chelovek iz stoianki Sungir' i ego mesto sredi drugikh iskopaemykh pozdnego paleolita. [Fossil man from the Sungir and its place among other Late Paleolithic fossils]. In *Doklady sovetskoi delegatsii na IX Mezhdunarodnom kongresse antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Chikago, sentiabr' 1973 g)*. [Reports of the Soviet delegation at the

- IX International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Chicago, September 1973)]. Moscow: Nauka. 16 p.
- Bunak, V. V. 1966. Kratkii obzor taksonomicheskikh i fileticheskikh skhem gominid. Iskopaemye gominidy i proiskhozhdenie cheloveka [Brief review of taxonomic and phyletic schemes of hominids. Fossil hominids and human origin]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaia seriya* [Works of Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. New series] 92. Moscow: Nauka. 273–285.
- D’Errico, F., J. Zilhão, M. Julien, D. Baffier and J. Pelegrin. 1998. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation. *Current Anthropology* 39 (1): 1–44. <https://doi.org/10.1086/204689>
- Debets, G. F. 1955. Paleoantropologicheskie nakhodki v Kostenkakh. [Human fossils in Kostenki]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 43–53.
- Eswaran, V. A. 2002. Diffusion wave out of Africa: The mechanism of the modern human revolution? *Current Anthropology* 43(5): 749–774. <https://doi.org/10.1086/342639>
- Gokhman, I. I. 1966. Iskopaemye neoantropii. Iskopaemye gominidy i proiskhozhdenie cheloveka. [Fossil hominids and human origins]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaia seriya* [Works of Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. New series] 92. Moscow: Nauka. 227–272.
- Henry-Gambier, D. 2008. Comportement des populations d’Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations. *PALEO. Revue d’archéologie préhistorique* 20: 399–438. <https://doi.org/10.4000/paleo.1632>
- Holt, B. M. and V. Formicola. 2008. Hunters of the Ice Age: the biology of Upper Paleolithic people. *American Journal of Physical Anthropology* 137(47): 70–99. <http://www.doi.org/10.1002.ajpa.20950>
- Homo sungirensis: Verkhnepaleoliticheskii chelovek: Ekologicheskie i evoliutsionnye aspekty issledovaniya* [Homo sungirensis. Upper Paleolithic Man: Ecological and Evolutionary Aspects of Research]. 2000. Ed. by Alekseeva, T. I. and O. N. Bader. Moscow: Nauchnyi mir. 468 c.
- Hublin, J.-J., Spoor, F. Braun, M., Zonneveld, F. and S. A. Condemi. 1996. A late Neanderthal associated with Upper Palaeolithic artefacts. *Nature* 381: 224–226. <http://www.doi.org/10.1038.381224a0>
- Kharitonov, V. M. and V. A. Batsevich. 1997. Nakhodki iskopaemykh gominid na territorii Vostochnoi Evropy i sopredel’nykh regionov Azii [Finds of fossil hominids in Eastern Europe and adjacent regions of Asia]. *Vestnik antropologii* [Herald of anthropology] 3: 48–73.
- Khartanovich, V. I., V. G. Moiseev, M. B. Mednikova, M. V. Dobrovol’skaia and A. P. Buzhilova. 2016. Paleoliticheskii chelovek iz Markinoy gory (Kostenki XIV) po rezul’tatam kompleksnogo analiza dannykh [Paleolithic man from Markina Gora (Kostenki XIV) based on the results of a comprehensive analysis of data]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*. [Moscow University Anthropology Bulletin] 2: 4–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paleoliticheskii-chelovek-iz-markinoy-gory-kostenki-xiv-po-rezultatam-kompleksnogo-analiza-dannykh>
- Khrisanfova, E. N. and I. V. Perevozchikov. 1999. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet. 400 p.
- Kozintsev, A. G. 2003. Ot srednego paleolita k verkhnemu: adaptatsiia i assimiliatsiia (sungirskaia problema na novom etape izucheniia) [From the Middle Paleolithic to the Upper: Adaptation and Assimilation (the Sungir problem at a new stage of study)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 1(13): 58–64.
- Kozintsev, A.G. 2004. Sungir’: staryi spor — novye argumenty [Sungir: old dispute — new arguments]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 1(17): 19–27.
- Krings, M., A. Stone, R. W. Schmitz, H. Krainitzki, M. Stoneking, and S. Pääbo. 1997. Neanderthal DNA sequence and the origin of modern humans. *Cell* 90: 19–30. [http://www.doi.org/10.1016.s0092-8674\(00\)80310-4](http://www.doi.org/10.1016.s0092-8674(00)80310-4)

- Lévêque F., and B. Vandermeersch. 1980. Les découvertes de restes humains dans un horizon castelperronien de Saint-Césaire (Charente-Maritime). *Bulletin de la Société Préhistorique Française. Comptes Rendus des Séances Mensuelles Paris* 77 (2): 187–189.
- Lumley, H. 2016. *La grotte du Cavillon sous la falaise de Baousse Rousse. Grimaldi, Vintimille, Italie*. Paris: CNRS Editions. 995 p.
- Mednikova, M. B., V. G. Moiseev and V. I. Khartanovich. 2016. Stroenie trubchatykh kostei kisti u obitatelei verkhnepaleoliticheskikh stoianok Kostenki-14 i 8 (evoliutsionnyi i bioarkheologicheskie aspekty) [The structure of the tubular bones of the hand in the inhabitants of the Upper Paleolithic sites Kostenki-14 and 8 (evolutionary and bioarchaeological aspects)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*. [Moscow University Anthropology Bulletin] 1: 20–34.
- Mednikova, M. B. 2004. Nekotorye diskussionnye problemy smeny vneshnego oblika naseleniia pri perekhode ot srednego paleolita k verkhnemu v Evrope. In *Problemy pervobytnoi arkheologii Evrazii (k 75-letiiu A. A. Formozova)* [Problems of primitive archeology of Eurasia (on the 75th anniversary of A. A. Formozov)], ed. by V. I. Gulyaev, S. V. Kuzminykh]. Moscow: Institut Arheologii RAS. 135–144.
- Mellars, P. A. 1992. Archaeology and the population-dispersal hypothesis of modern human origins in Europe. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*: 337(1280), 225–234. <http://www.doi.org/10.1098/rstb.1992.0100>
- Moiseev, V. G. and V. I. Khartanovich. 2015. Chelovek iz verkhnepaleoliticheskoi stoianki Kostenki XIV: rezul'taty geneticheskikh i morfologicheskikh issledovaniy [Man from the Upper Paleolithic site Kostenki XIV: results of genetic and morphological studies]. In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAS in 2014* [Radlovsky collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2014], ed. by Yu. K. Chistov. Saint Petersburg: Muzei Antropologii i Etnografii RAN. 429–435.
- Moiseev, V. G., V. I. Khartanovich and A. V. Zubova. 2017. Chelovek epokhi verkhnego paleolita iz Markinoi gory: morfologiya versus genetika? [Upper Paleolithic man from Markina Gora: morphology versus genetics?]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of RAS] 87(2): 12–19.
- Ovchinnikov, I. V., A. Götherström, G. P. Romanova, V. M. Kharitonov, K. Liden, and W. Goodwin. 2000. Molecular analysis of Neanderthal DNA from the northern Caucasus. *Nature* 404(6777): 490–493. <https://doi.org/10.1038/35006625>
- Patte, E. 1962. *La Dentition des Neanderthaliens*. Paris: Masson et Cle. 160 p.
- Pavlov, P. Yu. 2009. *Paleolit severo-vostoka Evropy* [Paleolithic of the North-East of Europe]. Doctor of Historical Sciences diss., Institute for the History of Material Culture.
- Pelegrin, J. 1995. *Technologie lithique: le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne)*. Paris: CNRS editions. 297 p.
- Roginskii, Ya. Ya. 1977. *Problemy antropogeneza* [Problems of human evolution]. Moscow: Vysshaya shkola. 263 p.
- Roginskii, Ya. Ya. 1949. *Teorii monotsentrizma i politsentrizma v probleme proiskhozhdeniia sovremennogo cheloveka i ego ras* [Theories of monocentrism and polycentrism in the problem of the origin of modern man and his anthropological types]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet. 156 p.
- Sinitsyn, A. A. 2002. Nizhnie kul'turnye sloi Kostenok 14 (Markina gora) (raskopki 1998–2001 gg.) [Lower cultural layers of Kostenki 14 (Markina Gora) (excavations 1998–2001)]. *Osobennosti razvitiia verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy* [The development of the Upper Paleolithic of Eastern Europe], ed. by A. A. Sinitsyn, V. Ya. Sergin, Dzh. F. Khoffeker. Saint Petersburg: OOO Akadempriint. 219–236.
- Sinitsyn, A. A. 2013. Gravett Kostenok v kontekste Gravetta Vostochnoi Evropy [Kostenki Gravettian in the context of Gravett of Eastern Europe]. *Problemy zaseleniia severo-zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy)* [Problems of settling the North-West of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (cultural and his-

- torical processes)], ed. by G. V. Sinitsyna. Saint Petersburg: Rossiiskaia Akademiia Nauk Institut istorii material'noi kul'tury. 4–32.
- Sinitsyn, A. A. 2014. Kostenki v kontekste problemy formirovaniia verkhnego paleolita i rasprostraneniia cheloveka sovremennogo fizicheskogo oblika. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* 4(77): 137–151. <https://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-paleolita/pdf/2007vestnik.pdf/view>
- Sungir': Antropologicheskoe issledovanie* [Sungir: An anthropological study], ed. by A. A. Zubov. Moscow: Nauka, 1984. 215 p.
- Vasilyev, S. V. 1999. *Differentsiatsiya plejstotsenovykh gominid* [Pleistocene hominid differentiation]. Moscow: Izdatel'stvo URAO. 150 p.
- Vasilyev, S. V. 2006. Problemy taksonomii perekhodnykh i metisnykh form iskopaemykh gominid Perednei Azii [Problems of taxonomy of transitional and mestizo forms of fossil hominids of Western Asia]. *Nauchnyi al'manakh kafedry antropologii* [Scientific Almanac of the Department of Anthropology]. Issue 5. Moscow: Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet. 147–159.
- Vasilyev, S. V. 2009. O roli geidel'bergskogo cheloveka v evoliutsii Homo sapiens [On the role of the Heidelberg man in the evolution of Homo sapiens]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 23. Antropologiya. [Moscow University Anthropology Bulletin] (4): 83–87.
- Veshniatskii, L. B. 2008. *Kul'turnaia dinamika v seredine pozdnego pleistotsena i prichiny verkhnepaleoliticheskoi revoliutsii* [Cultural Dynamics in the Middle Late Pleistocene and Causes of the Upper Paleolithic Revolution]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo St-Peterburgskij Universitet. 251 p.
- Welker, F. et al. 2016. Palaeoproteomic evidence identifies archaic hominins associated with the Châtelperronian at the Grotte du Renne. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113(40): 11162–11167. <https://doi.org/10.1073/pnas.1605834113>
- Wolpoff, M. H. 1971. Competitive exclusion among Lower Pleistocene hominids: The single species hypothesis. *Man* 6(4): 601–614. <https://doi.org/10.2307/2799185>
- Zubov, A. A. 2004. *Paleoantropologicheskaiia rodoslovnaia cheloveka* [Paleoanthropological ancestry of man]. Moscow: Rossel'khozakademiia. 551 p.
- Zubov, A. A. 2019. *Paleoantropologicheskaiia rodoslovnaia cheloveka*. [Paleoanthropological ancestry of man]. Second edition. Moscow: Izdatel'stvo ITRK. 464 p.